

Трансграничность как цивилизационная особенность Русского мира*

Цивилизация и трансграничность

Прежде чем начать разговор о таком явлении, как трансграничность, в применении к понятию «Русский мир», подчеркнем следующее. Введение в политико-философский словарь понятий, подобных «Русскому миру», обычно является следствием недостаточности и настоятельной необходимости во всем сонме идеологий связующего начала, которое удовлетворяло бы потребности людей и как индивидуальностей, и как представителей различных сообществ – наций, государств, объединений иного толка (например, профессиональных). Понятие «Русский мир» (по аналогии с другими «мирами» – британским, германским и др.) образуют не только язык, философия, литература, искусство, культура, наука, которые стойко ассоциируются в мире с русским и российским, но, в первую очередь, люди, самоощущение которых, отнесение себя к Русскому миру и взаимодействие с другими «мирами» очень сильно влияет на его образ. Учитывая, что наднациональное государство сегодня – свершившийся факт, будь то объединение различных государств по типу ЕС, будь то растущая многонациональность государств традиционных, представляется, что говорить о Русском мире нужно, не привязывая его ни к Российскому государству, ни к русской нации. В фоку-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Цивилизационные особенности России и специфика ее модернизаций» (проект № 11-03-00492а).

се внимания в данной статье – «путешествующий», трансграничный Русский мир и сам процесс *разлития, рассеяния*¹ нашей культуры, языка, науки в глобальном мире.

Термин «цивилизация» прочно вошел в современный язык как способ описания и объяснения тенденций мирового политического процесса. Как пишет Вадим Межуев, «после того как мир перестал рассматриваться в качестве слагаемого из двух противоположных лагерей – капиталистического и социалистического <...>, возникла потребность при его описании и классификации в использовании каких-то иных, но столь же предельно широких единиц. По мнению многих обществоведов, «цивилизация» – наиболее емкий термин для обозначения основных границ, разделяющих человечество»². В современном социально-политическом дискурсе (наряду с идеями столкновения цивилизаций, диалога цивилизаций, конца цивилизаций и пр.) в контексте обсуждения «цивилизационных» проблем распространение получила тема «традиционных ценностей» и «возвращения к истокам». В России, в последние 20 лет, наиболее заметным аспектом таких дискуссий является интерпретационный – возвращение видится обычно через «переосмысление» и «адаптацию» (*ценностей*) к современным условиям. Однако определить, что считать «ценностями», а что нет, бывает довольно сложно, так как искушение вписать их в определенный идеологический контекст и даже приспособить к нему очень сильно (этим грешат многочисленные так называемые «цивилизационные» проекты). Данная проблема относится и в целом к спорам о цивилизационных и идентификационных основаниях современных обществ. Такого рода полемика редко способствует переосмыслению в пользу *завтрашнего*, чаще – в пользу прошлого. Так, Борис Капустин, разбирая «большой» и «малый» дискурсы о «цивилизации», отмечает, что «поскольку «цивилизационные» проекты не имеют перспективы снятия нынешней идентичности в пользу завтрашней, поскольку в них нет тенденции универсализации, предполагающей включение «Другого» в те новые форматы «взаимного признания» <...> в таких проектах нет потенциала создания будущего»³ и что «остается от «цивилизации», если смотреть на нее как на *реальный процесс* нравственно-культурного роста людей и их отношений (а не как на набор застывших «ценностей»)»?⁴ Наша позиция в рассмотрении проблематики транс-

граничности Русского мира как раз состоит в попытке уйти от эссенциалистских смыслов «цивилизации» или «мира», исследовать эту проблематику в рамках диалектического подхода к проблеме цивилизационного развития, изучая ее через распространенность, трансграничность, и тем самым открытость на примерах истории и культуры, которые невозможно измерить.

Рассматривать понятие «цивилизация» можно также исходя из этапа ее развития и соответствующих свойств. Так, в современном лексиконе активно употребляется термин «техногенная цивилизация», который выражает сущностную характеристику современных обществ, «поскольку в их развитии решающую роль играет постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных, обеспечивающих экономический рост, но и технологий социального управления и социальных коммуникаций»⁵. Вячеслав Степин делает акцент на том, что научная рациональность в этом типе культуры выступает доминантой в системе человеческого знания, оказывает активное воздействие на все другие его формы. Трансграничность и рассеяние – прямые следствия такого явления, как научно-технический прогресс.

Эмиграция и диаспора

Рассеяние – важнейший из факторов формирования Русского мира и в целом – одно из условий его существования как части глобального мира. Одна из форм рассеяния – эмиграция, а один из результатов эмиграции на социокультурном и политическом уровнях – диаспора. Известный исследователь ориентализма Эдвард Саид понимает эмиграцию как, с одной стороны, действительное актуализированное состояние изгнания, ссылки; с другой стороны, в более широком смысле, как метафорическое состояние жизни вне привилегий, искушений и влияния какой-то культуры⁶ – в данном случае мы можем применить такое понимание к Русскому миру в трансграничном измерении. Жизнь вне, соотносимость, но не обусловленность – это и есть трансграничность в нашем понимании. Также Русский мир предлагается воспринимать и анализировать как своего рода «*imagined community*» – воображаемое сообщество, по аналогии с определением нации Бенедикта Андерсона⁷.

«Воображение, дополненное разумом, может превратить то, что сегодня кажется утопией, в возможности развития завтрашнего дня» – это один из главных тезисов книги «Миграции без границ»⁸, изданной в рамках одноименной программы ЮНЕСКО. Диаспора и по этническому признаку, но в первую очередь по профессиональному, является по отношению ко всему Русскому миру за рубежом его сегментом. Далеко не всех русских (уроженцев России в нескольких поколениях) можно относить к диаспоре.

То, что происходило на протяжении XX века – это миграционный процесс. Едва ли правильно все периоды эмиграции называть именно эмиграцией, а представителей русского мира за рубежом – диаспорой. Последняя очень разнородна – существует масса людей, которые, не причисляя себя к диаспоре, идентифицируют себя именно как русских, помня свои корни. Такая идентификация строится и конструируется вовсе не на основах «нациоприсчисления», а на основе семейной памяти, памяти предков, а также любви и гордости за культурное наследие – литературу, философию, живопись, скульптуру, – все то, что образует целостное восприятие и впечатление от Русского мира. В данном случае термин «Русский мир» избавляет нас от необходимости рассуждать о русской изbranности, предназначении, особой миссии русских.

В соответствии с российским законодательством⁹ к российской диаспоре причисляются все выходцы из СССР и России и их потомки независимо от национальной и этнической принадлежности, языка, вероисповедания и т. п., которые не являются гражданами Российской Федерации, но признают свою духовную или культурно-этническую связь с РФ. Этот вариант трактовки диаспоры наиболее близок к нашему пониманию «Русского мира», а именно причислению к нему по принципу самоидентификации.

В этом состоит и отличие диаспоры от эмигрантского населения (по терминологии Валерия Тишкова), которое относится к диаспоре как целое к частному. Заметим, что подобным образом соотносятся и понятия «русская эмиграция» и «российская эмиграция» (второе, естественно, шире), а особенность нашей многонациональной страны определяет нежелательность использования этнически окрашенных терминов. Количество людей за границей, идентифицирующих себя как русских, огромное – по разным оценкам это около 30 млн. наших бывших соотечественников и их потомков. Именно диаспо-

ре отводится роль наиболее важного источника взаимодействия со страной исхода. В этом отношении она является и международным актором, который может потенциально влиять не только на принятие решений внутри страны исхода, но и на ситуацию в мире. Мы рассматриваем это в том смысле, как в современную информационную эпоху все больше обогащается, развивается одна цивилизация за счет других культур. Как пишет на эту тему Уилл Кимлика, рассуждая о мультикультурализме в его либеральной трактовке, – «автономия индивидов – их способность делать выбор между достойными образами жизни – тесно связана с доступом к их культуре, с благодеянием и процветанием их культуры и уважением, оказываемым их культуре другими <...> есть жизненно важные интересы, связанные с культурой и идентичностью»¹⁰.

Российская империя, СССР и затем уже Российская Федерация породили диаспору, которая сколь многочисленна, столь и многоуровневая и сложна по своему составу. Как пишет Т.В.Наумова: «В XIX веке Россия не только интересовалась достижениями в науке, которые происходили в Западной Европе и Соединенных Штатах, но и на равных входила в интеллектуальное сообщество ведущих стран мира – Великобритании, Германии, Франции, США. <...> Развивались научные связи России и США, <...> было создано Американское философское общество. Российские ученые посещали европейские центры для участия в научных съездах и конференциях, совместных исследованиях. Общеизвестной практикой являлась стажировка ученых в ведущих научных центрах мира»¹¹.

Миграция, таким образом, сейчас выполняет ту функцию, которую выполняла в целом научная политика России в дореволюционный период. Налаживание научных связей позволяет развивать и внутрироссийскую научную ситуацию, оказывать реальное влияние на мировую науку.

Именно задача ученых, как представляется, состоит в том, чтобы перестать постоянно заимствовать западные образцы. Они, находясь там, в состоянии вычленивать то хорошее, что могло бы улучшить состояние российской науки, и в то же время не дать внедрить то, что на российской почве не приживется и отравит уже достигнутое. Особенности развития науки в России не позволяют «прививать» все, что на Западе считается правильным и оптимальным.

Одни из наиболее влиятельных (в смысле влияния умов) – те представители диаспоры, которые одновременно являются и представителями профессиональных сообществ, взаимодействуя со страной исхода в основном через профессиональное сообщество – ученые в частности и интеллектуалы в целом, выходцы из России, сознательно причисляющие себя к Русскому миру. Во многом эта часть диаспоры сформировалась в результате явления «утечки мозгов», которое на протяжении двух последних десятилетий активно исследуется в России в различных ее аспектах – миграционном, культурно-ценностном, политико-экономическом. Академик Валерий Тишков говорит об этом так: «Без интеллектуалов как производителей субъективных представлений нет диаспоры, есть просто эмигрантское население»¹².

Эмиграция из России: периодизация

Как известно, в истории России можно выделить несколько так называемых «волн» миграционного процесса. Первые довольно крупные потоки выезжающих на постоянное проживание из России наблюдались еще в XVI–XVIII вв. Чаще это происходило на духовной и политической почве и связано было, в частности, с явлением раскола, следствием которого стали гонения вскоре после Собора 1666 г. Со временем в результате этой эмиграции были образованы большие старообрядческие общины в других странах (на сегодняшний день основные страны расселения – США, Австралия, Румыния, Болгария, Польша). XVIII – **конец XIX в. – время путешествующего Русского мира**, когда люди, в основном представители дворянства, годами жили, переезжая из страны в страну, что запечатлено в большом количестве литературных произведений, в живописи. Напомним, что наши соотечественники за границей учились (например, М.В. Ломоносов с 1736 по 1741 г. провел в студенчестве за границей (в Германии)), работали (например, Ф.И. Тютчев – период работы за границей в качестве дипломата 1821–1844 гг., причем после оставления службы в 1839 г. он еще 5 лет прожил за пределами России), занимались творческой деятельностью, часто параллельно с восстановлением здоровья (И.С. Тургенев фактически полжизни провел в Европе). В начале 1890-х гг. большую распространенность получила миграция в США.

В первую очередь это было связано с новыми возможностями передвижения – достижениями научно-технического прогресса. «Сокращение расстояний» – вот основная примета времени второй половины XIX в. Например, английский мыслитель Г. Дж. Уэллс, который много лет путешествовал сам и пытался спрогнозировать, как различные достижения научно-технического прогресса будут менять мир людей, писал в 1901 г.: «Прогрессивный рост наших больших городов, быстрое возрастание народонаселения Америки, включение Китая в сферу европейской политики, все это явные и прямые последствия новых способов передвижения. И в то время как столь многое зависит от развития этих способов, самое это развитие сравнительно независимо – по крайней мере, в настоящее время, – от внешней части вызываемых ими переворотов. <...> Здесь представляется любопытным и нелишним вопрос: почему передвижение с помощью пара явилось в указанное время, а не раньше, в истории мира?»¹³ Изучением миграционных процессов занимался в это время Ю. Э. Янсон (1835–1893) – известный российский статистик и экономист, член-корреспондент Академии наук. Главное, что сделал Янсон – высказал и обосновал признание важной роли миграции в развитии человечества. Эмиграцию из европейских стран во второй половине XIX в. Янсон определяет как «одно из важнейших мировых явлений истории человечества в новейшее время»¹⁴. Термин «переселение», который в основном использовался в научной литературе ко второй половине XIX в., был фактически заменен усилиями Янсона терминами «передвижение», «перемещение» и тем самым был приближен к западно-европейской миграционной терминологии. Термин «миграция» начинает использоваться и для характеристики внутренних передвижений в России.

Еще один российский статистик XIX – начала XX в. Н. А. Каблуков¹⁵ также отмечает влияние на миграцию быстро развивающихся путей сообщения. С помощью показателя подвижности населения, рассчитанного как отношение объемов перевозок пассажиров по железным дорогам и численности населения, Каблуков показывает дифференциацию подвижности населения различных стран. В 1905–1906 гг. на одного жителя России (по данным 63 губерний) приходилось только 1,05 поездки (ср. в США – 10,5 поездок, в Германии – 21,0, в Великобритании – 29,0)¹⁶.

Периодизация российской эмиграции, выявление ее закономерностей и причин, связанных с развитием общества и государства, – не самая простая задача. Традиционно в советское время и до конца XX в. начало так называемых «волн»¹⁷ эмиграции относили к периоду после 1917 г., причем октября (а не, например, февраля). Одним из самых заметных этапов в формировании Русского мира стала волна массовой эмиграции после Октябрьской революции 1917 г., в результате которой уехали около 2 млн. человек: писатели, художники, аристократы, духовенство. Эта эмиграция была очень политически и идеологически окрашенной. «Каждый писатель Русского зарубежья вынужденно стал еще и политическим публицистом. <...> Собственно говоря, вопросом вопросов оставалась судьба России и отношение к большевикам»¹⁸. Вспомним Философский пароход – миграционное явление, под общим названием объединяющее несколько событий и относимое к высылке не одной, а нескольких групп видных интеллектуалов России. Фактически с 19 сентября 1922 г. по начало 1923 г. были вынуждены уехать такие писатели, философы, богословы, поэты, профессора, как А.В.Флоровский, Б.П.Бабкин, П.А.Сорокин, Ф.А.Степун, Н.А.Бердяев, И.А.Ильин, А.А.Кизеветтер, М.М.Новиков, С.Л.Франк, В.В.Стратонов, С.Е.Трубецкой, М.А.Осоргин, Н.О.Лосский, Л.П.Карсавин, И.И.Лапшин, С.Н.Булгаков. В первые годы эмиграции за рубежом оказалась значительная часть русского высокообразованного общества: «художники и артисты; дворяне, чиновники, офицеры, “бывшие” вообще; “земско-городские деятели”, люди либеральных профессий, “делегации” демократических и социалистических партий»¹⁹. Как пишет В.Варшавский, «почти все они принадлежали к “ордену русской интеллигенции”, многие и после религиозного обращения остались орденскими людьми»²⁰.

И все же традиционно в многочисленной литературе по эмиграции выделяют четыре волны:

октябрь 1917 – 1925 гг. (внутри этой волны особо выделяют период белой эмиграции 1920–1922)²¹,

конец 1930-х – начало 1950-х гг. (миграционные потоки, вызванные преимущественно событиями Второй мировой войны),

1960-е – 1985 гг. (начало выделения данного периода связано с явлением диссидентства и насильственной высылкой из СССР, ее рост стал наблюдаться с 1974 г. – года принятия в США закона о помощи политическим беженцам из СССР),

Конец 1980-х – 1990-е гг.²²

Основными странами выезда традиционно остаются три государства – США, Израиль, Германия.

С этнической точки зрения главные причины эмиграции послевоенного периода: неудовлетворенность советских (российских) евреев своим положением; остро стоящая проблема обеспечения прав российских немцев, в первую очередь – восстановление национальной автономии в Поволжье. Таким образом, «если не принимать во внимание малочисленные случаи вынужденной эмиграции по причине лишения диссидентов гражданства, качественные отличия между эмиграцией 1960–1980-х гг. и конца 1980–1990-х гг. найти трудно»²³. Этнический состав эмиграции – тема для отдельного исследования, отметим только, что он, безусловно, очень разнороден (об этом подробнее см., например, у С.И.Брука²⁴).

С образованием нового государства – Российской Федерации – и падением «железного занавеса», народ просто «хлынул» на Запад, большую часть эмиграции четвертой волны составили ученые и профессора университетов.

Обратимся далее к теме «утечки мозгов» и интеллектуальной миграции в связи с Русским миром. Потому что «по некоторым оценкам США от привлечения одного ученого-гуманитария выигрывает около 230 тысяч долларов, инженера – 253 тысячи, врача – 646 тысяч, специалиста научно-технического профиля – 800 тысяч. Согласно данным Госкомстата РФ, в страны вне СНГ за период с 1999 по 2004 гг. из России уехало около 340 тысяч наших сограждан. Путем нехитрых подсчетов получаем, что почти каждый 13-й эмигрант – ученый!»²⁵

Утечка и циркуляция мозгов

В составе зарубежной российской диаспоры – потомки эмигрантов из России; ученые, получившие фундаментальное советское образование, уехавшие, будучи серьезными исследователями, и «новое поколение» научной диаспоры – молодые специалисты, заканчивавшие аспирантуру за рубежом. Второе поколение российских эмигрантов, как правило, с рождения – граждане соответствующей страны. При благоприятных условиях они готовы к

сотрудничеству с Россией, но инициатива от них редко исходит. О четвертой волне эмиграции из России, во время которой уехали очень многие российские ученые, сформировавшие на западе российскую научную диаспору, можно найти много откликов. Например, в недавнем интервью²⁶ биолог, профессор университета Вандербилда (США) Евгения Гуревич так описывает собственные ощущения от эмиграции: в конце 1980-х «...впервые в жизни появилась возможность поехать за рубеж поработать. <...> Сейчас мало кто об этом знает, но ведь мы уезжали не просто так, а в официальную командировку от Академии наук на год. За нами сохранялось место работы, были оплачены билеты. У нас даже паспорта были не простые, а служебные. Их нам выдали в обмен на внутренние паспорта, которые оставались на хранение в Академии. <...> Ну, а потом случилось то, что случилось. Страна развалилась, и наука развалилась вместе с ней. Возвращаться стало некуда»²⁷.

Современные миграционные процессы, происходящие в мире, анализируются многими международными организациями, такими как ООН, ЮНЕСКО, ОЭСР и др. Один из важнейших выводов доклада Программы развития ООН (ПРООН), опубликованного в конце 2009 г., под названием: «Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие», заключается в том, что «миграция – как внутренняя, так и между странами, – обладает потенциалом для улучшения жизни людей и приносит пользу как странам происхождения, так и странам пребывания». По словам авторов доклада, «отъезд за рубеж высококвалифицированных специалистов, таких как врачи, медицинские сестры и преподаватели – являющийся основным предметом тревоги для развивающихся стран <...> – представляет собой скорее симптом, а не причину неэффективности общественных систем», а государствам необходимо «осознать взаимную пользу от миграции и реформировать миграционную политику», поскольку «интегрированная в более широкомасштабные стратегии развития, миграция дополняет <...> усилия по сокращению бедности и ускорению социально-экономического развития»²⁸. Среди главных рекомендаций ПРООН – превращение мобильности в неотъемлемую часть национальных стратегий развития.

В смысле такой взаимной пользы предлагаем рассмотреть феномен «утечки мозгов» (brain drain), являющийся одним из результатов международной академической мобильности, перемещений по миру.

Термин «утечка мозгов» вошел в употребление в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в., такое название стало носить явление эмиграции высококвалифицированных специалистов из стран третьего мира, а также из стран Западной Европы в США. В русский политический лексикон термин вошел в конце 1980-х – 1990-х гг. Определить «утечку мозгов» можно как процесс потери страной интеллектуальных ресурсов в результате выезда из нее научных кадров.

Именно специфика творческого интеллектуального труда способствует распространению внутри диаспоры явления ощущения человеком одновременной принадлежности к двум или нескольким цивилизационным мирам. Здесь можно выразиться словами А.А.Кара-Мурзы, что это такое «Самоощущение: полное отсутствие комплекса неполноценности по отношению к Западу»²⁹, которое было свойственно многим творческим личностям, подолгу жившим за рубежом в XIX в. Двух- и многокультурие – вот первое следствие эмиграции, высокоинтеллектуальной иммиграции, и тот ресурс³⁰, который необходим для будущего России.

В целом мобильность ученых – один из видов миграции, социоантропологическое явление³¹, история которого насчитывает много веков. Ученые издавна путешествовали по миру. В Древней Греции они покидали свои родные места в поисках мудрости, изучения мира, основания школ, академий. В Средневековье перемещения ученых рассматривали как «мозговую выгоду», поскольку ученые возвращались в свои родные города. Мобильность всегда являлась условием научного роста и распространения знания. В то же время, совпадая с тенденциями международной миграции в целом, миграция людей интеллектуального труда от начальных моментов до примерно середины XX в. развивалась в значительной мере под воздействием различного рода давления, насилия, других негативных факторов. Уже упоминавшаяся выше концепция «Миграции без границ» под эгидой ЮНЕСКО³² стала базовой для изучения интеллектуальной миграции с учетом сегодняшних и завтрашних международных и региональных политических реалий.

Итак, мобильность ученых – это действительно одна из наиболее важных характеристик нынешней научной и образовательной системы, это устойчиво растущая тенденция последних десятилетий, которая оказывает наиболее серьезное влияние на современное состояние науки, подчеркивает трансграничный характер науки, формирует во многом «лицо» Русского мира.

По словам участников международной научной конференции «Миграционная мобильность ученых как механизм включения России в мировое научное сообщество», «миграционная активность кадров науки имеет амбивалентный характер»³³. А «маятниковая мобильность», миграция с обратной связью – эти виды мобильности должны сегодня помочь активизировать взаимодействие российских ученых с мировым научным сообществом.

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в последние годы растет доля квалифицированных кадров в потоке трудовой миграции в промышленно развитые страны. Так, с 2000 г. каждый год в страны ОЭСР въезжают 4–4,3 млн трудовых мигрантов. Из них до 1,9 млн – специалисты. Национальная структура квалифицированных мигрантов, по данным ОЭСР на 2007 г., такова: выходцы из Китая – 10,7 %, из Польши – 5,3 %, из Румынии – 4,6 %, из Мексики – 4,2 %, с Филиппин и из Израиля – 3,6 %. После того как в 2006 г. России предложили вступить в ОЭСР, ослабив миграционные препоны для молодых ученых, их поток вырос с 1,9 % до 2,3 % в год. Что касается научной миграции из России, по данным Центра исследований и статистики науки, из сферы «Наука и научное обслуживание» за 14 лет (1989–2002) на постоянное жительство за рубеж выехало 21,75 тысяч работников. По временной научной миграции имеются данные только за отдельные годы: например, в 1996 г. на временной работе за рубежом находилось 4 084 научных работника. Лидерами по приему российских ученых были страны «Большой семерки», прежде всего – США и Германия. На эти 7 стран приходилось 68,5 % всех российских ученых, работавших по контракту за рубежом. По некоторым оценкам за период с 1999 по 2004 г. Россию покинули 25 тыс. ученых, а 30 тыс. ежегодно работают по системе контрактов за рубежом, что составляет примерно 5–6 % от общего научного потенциала страны.

Российская научная диаспора постоянно имеет в своем составе 20–35 тысяч человек (без учета членов семьи). За последние годы через диаспору прошло более 100 тысяч человек. Однако это все приблизительные цифры, официальные количественные данные о миграции из России, по сути, отсутствуют. Многие исследователи опираются на данные МВД, которые включают в себя статистику не только по науке, но и по образованию. Как пишут Н.С.Агамова

и А.Г.Аллахвердян: «Почему-то считается, что в отличие от качественного, количественный аспект проблемы является наиболее разработанным. <...> цифры Госкомстата относительно миграции на ПМЖ в страны ближнего зарубежья более похожи на правду, чем те, что относятся к дальнему зарубежью. Это дает основание считать, что 3,5–4 тыс. эмигрантов – это лишь нижняя граница количественной оценки численности российских исследователей, выехавших за рубеж на постоянное место жительства за четырнадцатилетний период (1989–2002). Что касается верхней границы научной эмиграции, то на сегодня, насколько нам известно, какие-либо статистические данные или экспертные оценки масштабов утечки умов отсутствуют»³⁴.

При этом основная проблема – это получение верифицированных данных о профессиональной деятельности российских ученых за рубежом. Эту проблему усложняет также малая достоверность статистических данных о количествах и профессиональных траекториях уехавших ученых, преподавателей, аспирантов и студентов. Российская научная диаспора за рубежом представляет собой очень разношерстную компанию. По словам Ольги Жареновой – исследователя процессов интеллектуальных миграций, «российская научная диаспора представляет сообщество русскоязычных ученых – выходцев из стран СНГ, продолжающих активные научные исследования за рубежом, решающих сходные проблемы адаптации к новым условиям, и, как результат, стремящихся поддерживать отношения друг с другом, а также с оставшимися на родине коллегами, друзьями и близкими»³⁵. Серьезные исследования с целью прояснения ситуации были проведены сотрудниками РИЭПП³⁶. По оценкам его экспертов, число русскоязычных ученых, уехавших из страны, варьируется от 30 до 250 тыс., но точных данных никто назвать не может. Равно как и доказать, что выехали самые талантливые специалисты. По словам Нины Семеновой, «уехали наиболее ориентированные – либо на иную социально-политическую или социально-экономическую обстановку, либо на карьеру, либо на осуществление научных исследований. <...> Интеллектуальная миграция в условиях глобализации – явление вполне закономерное. Ведь формирование общего рынка труда еще в 60-е гг. прошлого века было признано одной из главных задач создания Европейского экономического союза. <...> Сейчас в

мире около 150 млн человек считаются постоянными трудовыми мигрантами, из них примерно 3 млн – высококвалифицированные мигранты, в том числе студенты. В странах Евросоюза интеллектуальная миграция за последние пять лет увеличилась на 40 процентов. Таким образом, внешняя интеллектуальная миграция – это не только проблема России»³⁷.

«Утечку мозгов» из России можно оценивать по-разному. Итак, «утечка мозгов» – это:

1. Трагедия для российской науки, невозполнимая потеря наиболее видных ученых – интеллектуального капитала нации;

2. Часть глобального трансграничного процесса мобильности ученых и высококвалифицированной трудовой миграции, что совершенно закономерно и не имеет особенностей по сравнению с другими странами;

3. Явление, которое нельзя рассматривать как потерю именно *наиболее талантливых* кадров высшей квалификации, так как на самом деле основными выезжающими за границу на постоянную или временную работу являются наиболее активные ученые с хорошим знанием иностранного языка и склонные к быстрой адаптации в новых условиях, которые совсем не обязательно являются самыми талантливыми и лучшими в России, а значит их потеря – это не трагедия;

4. Свершившийся факт, поэтому необходимо активнее налаживать взаимодействие с учеными и различными способами стараться если не вернуть их обратно к научной работе в России, то хотя бы подключить к совместным проектам, организовать экспертную оценку с их стороны и т. д.

Также существует и несколько мнений относительно причин отъезда ученых за рубеж:

1. Материальный фактор – зарплата, большие возможности по получению дополнительного грантового финансирования;

2. Материальная база – заметно лучшие условия работы по сравнению с Россией, т. е. обеспеченность оборудованием, возможность создать свою лабораторию, отсутствие искусственных ограничений для научного роста;

3. Редкая специализация, по которой невозможно по разным причинам работать в России;

4. Иная, не столь застоявшаяся среда для научного общения, возможность быть постоянно встроенным в мировое научное сообщество.

По словам Т.В.Наумовой «...как положительное явление «утечка умов» содействует нормализации наших научных и культурных связей с миром, коммуникации между учеными, обмену духовными ценностями, ведет к интеграции нашей страны в мировое сообщество. В свою очередь это способствует тому, что российская интеллигенция получает возможность свободно обмениваться информацией, сотрудничать с зарубежными коллегами, не учитывая напрямую политические и идеологические цели, проводить совместные исследования, обмениваясь полученными результатами»³⁸. Такой позитивный подход к анализу явления все же хочется считать основным, рассматривать науку как ценность и цивилизационную основу саму по себе, без привязки к национальным ценностям и культурным традициям. Тогда мы всерьез сможем говорить о трансграничности науки и Русском мире внутри нее. Современный ученый (в том числе и молодые ученые XXI в., многие из которых уезжают в другие страны) склонен считать, что настоящему ученому «может быть и не плевать на границы, но ученому как ученому должно быть плевать на все, кроме своей науки»³⁹. Для поддержки уже не межнационального (в эпоху наднационального государства), а междивилизационного равновесия в мире в первую очередь необходимо заручаться поддержкой тех людей, сообществ, организаций, которые стоят как бы по обе стороны, живут одновременно в двух мирах – двух цивилизациях, двух культурах, образах жизни, умело их сочетают и выносят для себя и окружающих из этого массу полезного. Такими свойствами обладает большинство представителей национальных профессиональных диаспор за рубежом. Налаживание диалога с «близкими, но далекими» людьми способствует взаимопониманию и взаимопониманию народов, культур, сообществ, государств, цивилизаций. Выгода для страны –донора может состоять в развитии контактов с научной диаспорой и, в случае введения эффективных мер, стимулирующих сотрудничество, использовании их знаний на благо страны исхода.

С этой целью в 2008 г. в Российской академии наук был организован Совет РАН по работе с учеными-соотечественниками, проживающими за рубежом (Постановление Президиума РАН № 332

от 29 апреля 2008 г.). В Положении о Совете говорится, что его деятельность должна содействовать «объединению усилий ученых–соотечественников в научно-исследовательской деятельности в области фундаментальных и прикладных наук»⁴⁰, а в 2010 г. РАН продолжила работу в этом направлении, издав Постановление «Об усилении работы с иностранными членами РАН» (Постановление Президиума РАН № 176 от 29.06.2010). Совет по работе с учеными-соотечественниками, проживающими за рубежом, был переименован в Совет по работе с иностранными членами РАН и учеными-соотечественниками, проживающими за рубежом. То, что ситуация с наукой в России заботит не только академическое сообщество в России, демонстрирует открытое письмо Президенту и Председателю Правительства Российской Федерации от ряда ученых-соотечественников, проживающих за рубежом, датированное 09.09.2009 г.⁴¹ Письмо подписали 205 человек – ученые из различных областей науки (по состоянию на 09.10.2011), представители университетов и научных лабораторий США, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Канады и др. стран.

Не исключено, что зарубежная русская научная диаспора может выступить в роли катализатора диалога науки с властью. Внутри нее диалог активно идет, этот Русский мир активно взаимодействует внутри себя и осознает себя, идентифицирует себя как Русский мир. Однако это далеко не означает, что ученые готовы вернуться. Даже такие программы, как «Привлечение ведущих ученых в российские вузы» (9 апреля 2010 г. Правительство Российской Федерации приняло Постановление № 220 «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования», согласно которому на конкурсной основе для проведения научных исследований выделяются гранты в размере до 150 млн рублей каждый), в соответствии с которой ведущий ученый должен пребывать в ВУЗе не менее 4-х месяцев в году, как показывают опросы, не становится фактором в пользу возвращения выехавших ученых обратно в Россию. По словам Евгении Гуревич «...ни один настоящий ученый не примет ни одного серьезного решения на основании того, сколько ему будут платить»⁴². Эти интеллектуалы смогли адаптироваться, нашли свое место в академической среде других стран и в целом в мировом научном сообществе⁴³. «Я знаю нескольких

из наших русских, которые не получили «tenure»⁴⁴ и, не захотев дальше бороться, уехали в Россию. <...> Мы, бывшие советские граждане, как ни странно, более нежные, у нас сильнее развито чувство собственного достоинства, чем у американцев.... Но при всем том, неудачников среди русских оказалось очень немного. Из многих десятков из тех, кого я знаю лично, это единицы, я думаю, в целом меньше 1 %»⁴⁵.

И все-таки «утечка мозгов» на Запад – проблема прошлого века. В отличие от тенденций XX в., в веке XXI разные страны стараются заманить нужных специалистов. При этом вектор миграции «мозгов» меняется в направлении Индии, Китая, Бразилии и отчасти России.

Миграция научной молодежи за рубеж для учебы и профессиональной подготовки является существенной частью международной высококвалифицированной миграции рабочей силы. Многие студенты, аспиранты и молодые ученые сегодня стремятся обязательно получить возможность работы в других странах с целью лучшего применения своих способностей и полученных знаний, а также достойной оплаты высококвалифицированного труда. Формирование образа русского ученого за рубежом происходит под влиянием не только тех, кто уехал за рубеж на ПМЖ, но и за счет работающих по контрактам. Это связано во многом с такой темой, как трансграничное высшее образование⁴⁶. По мнению аналитиков Гарвардского университета, за период после 1991 г. от 10 тыс. до 30 тыс. наших ученых покинули страну навсегда. Суммарный выезд по контрактам на стажировку и на учебу превышает выезд на постоянное место жительства в 3–5 раз, одновременно при этом являясь все же одним из факторов, влияющих на увеличение «утечки мозгов».

Однако возвращаясь к теме положительного влияния процессов мобильности ученых, во-первых, на формирование образа Русского мира за рубежом, а во-вторых, на взаимопроникновение цивилизационных особенностей, отметим, что с начала XXI в. термин «утечка мозгов» трансформировался в понятие «циркуляция мозгов» и получил развитие в концепции «накопления мозгов» или «мозгового банка». Действительно, мы знаем много примеров позитивных результатов успеха эмигрантов для страны происхождения. Конечно, отъезд такого большого числа ученых

за рубеж оказался тяжелым испытанием, но при этом надо понимать, что никогда раньше у России не было такого мощного научного ресурса на Западе, который продолжает идентифицировать себя с Россией. Эти люди с огромным наработанным опытом могут очень много сделать для российской науки. Недавно был проведен социологический опрос среди представителей научной российской диаспоры за рубежом⁴⁷. «Более восьмидесяти процентов опрошенных имеют в стране происхождения родственников и друзей. Половина респондентов сохраняет контакты с коллегами. За последние 2 года лишь 16 % опрошенных ни разу не посещали страну происхождения, при том, что пятая часть заполнивших анкету совершила 1 поездку, а 60 % совершили две и более поездки. 2 % ответивших заявили, что не хотят иметь никаких отношений с представителями страны происхождения. Четверть респондентов не имеют постоянных контактов в родной стране, но не исключают для себя возможности приобрести их»⁴⁸. Таким образом, можно говорить о том, что активная позиция в отношении совместной работы с Россией чаще характерна для тех, кто активно поддерживает российскую идентичность и интерес к России. То есть для России оказывается очень важным такое двух- и многокультурие, двойная идентичность, и особенно важно, что эмиграция в этом смысле перестает носить отрицательный характер – как в связи с причинами отъезда, так и в связи с потерей связей со страной исхода. Связи не только не теряются, но и налаживаются благодаря условиям информационной эпохи. Таким образом, мы уже можем уйти от схемы описания миграции в понятиях «отъезд – возвращение».

В данной статье мы рассмотрели Русский мир в зеркале сотрудничества – но не диаспоры со страной исхода, и не центра с периферией, а в первую очередь коллективов по профессиональному принципу. Это наиболее перспективный вариант поддержания взаимодействия внутри самого Русского мира и одновременно кооперации с другими мирами. Трансляция знания, культуры через соотечественников сегодня очень важна для нас. Двойная культурная идентификация и единая идентификация через культуру и через профессию наших соотечественников позволяют говорить о трансграничности как цивилизационной особенности Русского мира.

Примечания

- 1 Этот термин, например, использовала Л.М.Грановская при исследовании языка русского зарубежья (см.: *Грановская Л.М.* Русский язык в «рассеянии». М., 1995).
- 2 *Межуев В.М.* На пути к универсальной цивилизации // *История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования.* СПб., 2011. С. 330–331.
- 3 *Капустин Б.Г.* Политические смыслы «цивилизации» // *Политическая концептология.* 2009. № 3. С. 43.
- 4 Там же. С. 38.
- 5 *Степин В.С.* Цивилизационного развития типы // *Новая философская энциклопедия.* Т. IV. М., 2002.
- 6 *Said E.* Intellectual Exile: Expatriates and Marginals // *The Edward Said Reader / Ed. by Moustafa Bayomi and Andrew Rubin.* N.Y., P. 373.
- 7 *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.–N.Y., 1983.
- 8 Миграции без границ. Эссе о свободном передвижении людей. ЮНЕСКО, 2009. С. 9 (<http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001557/155779R.pdf>).
- 9 Декларация о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам постановлением Государственной думы РФ от 08.12.1995 № 1476-I ГД // *Собр. законодательства РФ.* 1995. № 52. Ст. 5131.
- 10 *Кимлика У.* Современная политическая философия: введение. М., 2010. С. 429.
- 11 *Наумова Т.В.* Глобализация и «утечка умов» из России: вызов отечественной науке // *Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии.* М., 2010. С. 469–470.
- 12 *Тишков В.* Русский мир: смысл и стратегии // *Стратегия России.* 2007. № 7. С. 29.
- 13 *Уэллс Г. Дж.* Предвидения. М., 1901. С. 2–4.
- 14 *Янсон Ю.Э.* Сравнительная статистика населения. СПб., 1892. С. 405.
- 15 Подробнее см.: Миграция населения в работах «академических статистиков» во второй половине XIX – начале XX столетия // *Историческая демография. Сборник статей / Под ред. М.Б.Денисенко, И.А.Троицкой.* М., 2008. С. 200.
- 16 *Каблуков Н.А.* Курс статистики. М., 1911. С. 243–244.
- 17 Волна эмиграции – период времени, в течение которого определенный поток эмиграции начинается, развивается и заканчивается.
- 18 *Литературное зарубежье России: Энциклопедический справочник.* М., 2006. С. 36.
- 19 *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. М., 2010. С. 19.
- 20 Там же. С. 121.
- 21 Существует также мнение, согласно которому первая волна закончилась к 1940-м гг., хотя эмиграция в этот период и не носила массового характера.
- 22 1986 г. – дата принятия законодательного акта, либерализовавшего выезд из СССР (это было измененное Постановление Совета Министров СССР от 22 сентября 1970 г. № 801 «Об утверждении положения о выезде в Союз Советских Социалистических Республик и о выезде из Союза Советских Социалистических Республик, было изменено и дополнено постановлениями Совмина СССР: от 31.12.1974 № 997, от 28.08.1986 № 1064).

- 23 *Пронин А.А.* Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: библиометрический анализ. Екатеринбург, 2009. С. 21.
- 24 *Брук С.И.* Миграции населения: Российское зарубежье // *Брук С.И.* Народы России: энцикл. / Под ред. В.А.Тишкова. М., 1994. С. 53–65.
- 25 *Фараносов А.* Проблемы утечки мозгов из России // *International Journal of Russian Studies*. 2008. № 1 (<http://www.radtr.net/dergi/say1/faranosov.htm>).
- 26 Левая политика: Аналит. журн. 2011. № 15. С. 30–42.
- 27 Там же. С. 30.
- 28 Здесь и далее см. текст, размещенный на сайте: <http://hdr.undp.org/>
- 29 *Кара-Мурза А.А.* Свобода и порядок. Из истории русской политической мысли XIX–XX вв. М., 2009. С. 244.
- 30 О возможных ресурсах диаспор см.: *Diaspora Networks and the International Migration of Skills* // Ed. By Kuznetsov, Ye. Washington, 2006.
- 31 Из выступления председателя 23-го исследовательского комитета социологии науки и технологий Международной социологической ассоциации проф. Х.Хименеса на конференции «Миграционная мобильность ученых как механизм включения России в мировое научное сообщество» 17–19 августа 2009 г. в Санкт-Петербурге.
- 32 Текст на русском языке: <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001557/155779R.pdf>
- 33 *Ащеулова Н.А., Ломовицкая В.М.* Международная научная конференция «Миграционная мобильность ученых как механизм включения России в мировое научное сообщество» // *Социология науки и технологий*. 2010. Т. 1. № 1.
- 34 *Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г.* Динамика утечки умов и становления российской научной диаспоры // *Наука. Инновации. Образование*. Вып. 1. 2006. С. 106–110.
- 35 <http://www.fsk.ru/march/obozr/2.htm#2>.
- 36 Российский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере.
- 37 http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?_language=ru&id=14d72dd3-79f0-4e1e-93e4-cea9e4e13275.
- 38 *Наумова Т.В.* Глобализация и «утечка умов» из России: вызов отечественной науке // *Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии*. М., 2010. С. 470–471.
- 39 Эта мысль прозвучала совсем недавно в интервью (одному из российских журналов) молодого ученого И.Кубланова, микробиолога, сотрудника Лаборатории гипертермофильных сообществ ИНМИ РАН.
- 40 Текст Положения см.: <http://www.ras.ru/presidium/documents/directions.aspx?ID=6e92523d-30c4-464c-8732-933e24bbe85b&print=1>
- 41 С полным текстом письма можно ознакомиться на сайте http://www.hep.phys.soton.ac.uk/~belyaev/open_letter/ (дата обращения 09.10.2011)
- 42 Левая политика: Аналит. журн. 2011. № 15. С. 32.
- 43 «Наше глубоко академическое образование, не рассчитанное ни на какие потребности рынка, позволило нам, приехав в чужую страну, приспособиться к самой что ни на есть рыночной экономике и в ней преуспеть. Это все потому, что нам дали образование (а не выдрессировали на «компетенции»), которое научило нас делать все. И не только в науке, кстати», – говорит Е.Гуревич (там же. С. 33).

- ⁴⁴ Материальная поддержка ученого со стороны университета, позволяющая не зависеть на 100 % от грантов, которые необходимо постоянно выигрывать, чтобы достойно жить и чтобы функционировала лаборатория.
- ⁴⁵ Там же. С. 34.
- ⁴⁶ Подробнее о трансграничном высшем образовании см.: *Винсен-Ланкран С.* Трансграничное высшее образование: основные направления и перспективы развития / Пер. с англ. А.Ф.Яковлевой // Вестн. междунар. организаций. 2010. № 3. С. 86–109.
- ⁴⁷ См.: *Попов Д.С., Творогова С.В., Федюкин И.И., Фрумин И.Д.* Российская диаспора в области социальных и экономических наук: проблемы и перспективы сотрудничества // Мир России. 2011. № 1. С. 53.
- ⁴⁸ Там же. С. 59.